

Анна
Долгова

Босс Дед Мороз

или

Пышное увлечение

Анна Долгова

Босс Дед Мороз или Пышное увлечение

<https://litres.ru/74221809>

Аннотация

- Ты – лучший помощник, Анна. Так и должно остаться.

Его слова повисли в воздухе, острые и холодные, как январский ветер. Запах его кожи еще был на моих руках, а он уже говорил о другой женщине. О свадьбе.

Я стала его «непредвиденной ситуацией». Новогодним курьезом. Увлечением. Деловым и физическим. Он перепутал меня с невестой в темноте, и я, дура, позволила себе поверить, что эта ошибка – настоящее чудо.

Теперь мой строгий босс возвращается к своей безупречной жизни. А мне предстоит собрать осколки своего сердца и сделать единственно верный поступок – уволиться. Из компании. И из его жизни.

Хотя... кто сказал, что я позволю ему просто поставить на мне галочку?

♥#ДРУЗЬЯ! ПРЕДЛАГАЮ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ
ЛЕГКИЙ НОВОГОДНИЙ РОМАН! ОТДОХНИТЕ С
УДОВОЛЬСТВИЕМ!

ВНИМАНИЕ! ПУБЛИКАЦИЯ ГЛАВ ЕЖЕДНЕВНО!!!

Содержание

Пролог. Максим Олегович	5
Глава 1. Анна	11
Глава 2. Максим Олегович	18
Глава 3. Анна	25
Глава 4. Максим Олегович	31
Глава 5. Анна	36
Глава 6. Максим Олегович	43
Глава 7. Анна	49
Глава 8. Анна	54
Глава 9. Анна	63
Глава 10. Максим Олегович	68
Глава 11. Анна	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог. Максим Олегович

Если бы мне, Максиму Олеговичу Крылову, год назад сказали, что в канун Нового года я буду прятаться в собственном кабинете от бухгалтерии в костюме Деда Мороза, я бы немедленно уволил пророка за непрофессионализм. И, возможно, лишил премии. Но жизнь, особенно подвыпившая жизнь коллектива на корпоративе, вносит свои чудовищные коррективы.

Вот она, шуба. Не «шуба», а некое багрово-бархатное исчадие адового ателье. От нее пахнет нафталином и чужой тоской. Борода – колючий войлочный парик, пришитый к шапке. Лезет в рот и настойчиво предлагает мне ее пожевать. Я стою посреди своего идеально организованного офис-пространства, в трусах и носках до колен, и чувствую себя полнейшим идиотом. За дверью грохочет «Last Christmas», и пьяный хор офис-менеджеров выкрикивает: «Мак-сим! Мак-сим!», требуя выхода волшебника. Волшебника, которым по воле жестокого рока оказался я. Потому что нанятый мной «профессиональный» Дед Мороз, не дойдя до фойе, обнаружил в своем посохе спиртометр и отключился прямо в лифте.

Я натягиваю штаны. Они короткие. Отчаянно короткие. Мои икры, никогда не знавшие такого позора, обдувает сквозняк из кондиционера.

- Ничего, - бубню себе под нос, застегивая дурацкие пуговицы на тужурке. – Терпеть осталось полчаса. Раздать подарки, покричать «Хо-хо-хо» с максимально саркастичной интонацией и исчезнуть. А потом...

А потом случится чудо. Не это карнавальное убожество, а настоящее.

Приедет Кристина.

Моя невеста.

Моя блестящая, безупречная Кристина, с которой мы не виделись полгода из-за ее стажировки в Милане. Она, как всегда, пришлет сообщение. Я выключу свет, она войдет в кабинет, и... и я сорву с себя эту бороду и покажу ей, что такое настоящий мужской сюрприз. План идеален. Романтично, страстно, по-взрослому. Последние шесть месяцев я жил этой картинкой.

Шуба наконец поддается. Я закутан в багровый бархат с белой опушкой из явно синтетического меха, от которого у меня тут же начинается легкий зуд. В зеркале на меня смотрит не Максим Олегович, владелец успешной компании, а какой-то растерянный, раздраженный сурковый мутант с потухшим взглядом. Посох в руке лишь усиливает впечатление человека, который потерял не только оленей, но и самоуважение.

Неожиданно телефон на столе вибрирует. Сердце екает. Рановато.

Сообщение от Кристины: «Поднимаюсь в твой офис.

Жди. Целую».

Черт. Сбегать поздравить сотрудников уже не получится. Даже если сделать это очень быстро. Лучше встречу свою ненаглядную. Удивлю. Осчастливлю.

Решено. Миссия «Дед Мороз» обретает высший смысл. Это не унижение – это прикрытие для грядущей романтической диверсии. Я быстро скидываю бороду, но шапку оставляю, поскольку какая-никакая маскировка. Выключаю верхний свет, оставив только настольную лампу, бросающую драматические тени. Сажусь в кресло спиной к двери, как поджидающий добычу... Нет. Как джентльмен, готовящийся к встрече дамы сердца.

И вот шаги в коридоре. Легкие, быстрые, решительные. Каблуки.

Именно такие, как у Кристины – четкие, отбивающие ритм успеха. Сердце начинает колотиться уже не от досады, а от предвкушения. Дверь приоткрывается.

В полумраке, чуть повернувшись, вижу силуэт в дверном проеме. Женский, в платье. Все совпадает! Мой мозг отключает анализаторы. Включается протокол «Страстный сюрприз».

Я, не разворачиваясь полностью, стремительно вскакиваю, делаю два широких шага, накрываю вошедшую с головой этой идиотской шубой и притягиваю к себе. Пахнет не дорогими духами Кристины, а чем-то сладким, ванильным и... слегка шампунем «персик».

Странно.

Но адреналин заглушает все тревожные звоночки.

- Не смотри, - сиплю я своим самым таинственным и «дедоморозовским» баритоном. – Это магия.

И целую.

Губы под моими губами мягкие, полные, чуть приоткрытые от неожиданности. Они не отвечают сразу, застыв в шоке. Потом происходит что-то... электризующее. Какая-то искра, тихий разряд, пробежавший от ее губ к моим и распространившийся по всему телу, пробив толщину бархата и синтепона. Поцелуй из игры в поддавки неожиданно превращается в... нечто иное. Миг чистой, неконтролируемой синхронности. Миг, когда время спотыкается. Губы под моими вдруг отвечают. Нежно, неуверенно, но отвечают.

И это сводит с ума.

Я отрываюсь на сантиметр, все еще держа ее в объятиях, и, охваченный этой новой, странной эйфорией. Шепчу губами прямо около ее уха, играя в нашу с Кристиной старую игру:

- Ну надо же, Крис... поправилась что ли? Так приятно... обнимать.

И в этот миг мой слух, наконец, пробивается сквозь туман страсти. Рядом с нами что-то шлепается на пол. Что-то мягкое и влажное. И пахнет теперь не только ванилью, но и взбитыми сливками.

Раздается щелчок. Вспыхивает люстра. Я моргаю, ослеп-

ленный светом.

Передо мной... не Кристина.

Передо мной Анна. Моя новая помощница. Анна, которую я на прошлой неделе отчитывал за неправильно составленную таблицу. Анна-пышка, с большими, полными ужаса и чего-то еще глазами, в которых отражаюсь я – багровый, в помятой шапке, с лицом идиота. Ее щеки пылают румянцем, губы – те самые губы! – размазаны моей помадой... Вернее, помадой Деда Мороза, которая теперь и у меня на физиономии. В руках она сжимает пустую тарелку, а у наших ног раскинулась благоухающая груда тирамису, как памятник моему позору.

Мой мозг пытается перезагрузиться, выдавая одну мысль: «Только. Не. Это».

И в эту идеальную тишину, нарушаемую лишь тихим всхлипом, врывается новый звук. Цокот каблучков. Настоящих, фирменных, ледяных.

Я медленно, как на эшафоте, поворачиваю голову к двери. Меньше чем в метре от нас... появляется Кристина. Моя невеста.

В идеальном пальмо-бежевом костюме, с чемоданом из самой качественной кожи и выражением лица, которое я бы назвал «арктический шторм с переходом в смерч». Ее взгляд скользит с меня, в костюме и с помадой на губах, на Анну и на нашу с ней дикую, интимную близость.

Время замирает.

А мое сердце, предательская мышца, дико и глухо стучит где-то в горле, сходя с ума не от ужаса перед Кристиной. А от того, что губы мои до сих пор горят. Горят и помнят. Помнят вкус ванили, персика и невероятной, шокирующей мягкости.

«Только не это», - в последний раз безнадежно проносится в голове, прежде чем Кристина открывает рот.

И я понимаю, что Новый год еще не начался, но уже обещает быть адски долгим и сложным...

ВНИМАНИЕ! ПЕРЕХОДИМ К РОЗЫГРЫШУ ПРОМО-КОДОВ!!!! <https://litnet.com/shrt/K1b3>

Глава 1. Анна

Мысль о том, что я, Анна Соколова, мастер доведения хаоса до состояния идеальной таблицы Excel, стою в лифте на 25-й этаж стеклянной башни «Крылов и Ко» и тихо умираю от страха, была унижительна. Лоб покрылся предательской испариной, а новое бежевое платье, купленное специально для «солидного вида», вдруг стало напоминать смиренную рубашку.

В ухе жужжал голос подруги Маши:

- Ну, и как он? Босс? Видел тебя?

- Маш, я еще в лифте! – прошептала я, стараясь не шевелить губами, как шпионка-неудачница. – Видел только охранник, и тот посмотрел на меня с такой жалостью, будто я принесла себя в жертву на алтарь корпоративного дракона.

- Говорят, этот Крылов – помесь айсберга с микроскопом. Всевидящее око и ледяное сердце. Но компания – мечта! Зарплата – сказка! Ты должна вцепиться в это место зубами, ногтями и всеми своими прелестными формами!

- Спасибо за поддержку, - проворчала я, глядя на свое отражение в блестящих дверях.

Пышка. Всегда пышка. Не «девушка с формами», а именно что пышка. В этом платье я напоминала хорошо упакованный эклер. Вроде бы презентабельно, но слишком много начинки.

Лифт звякнул с издевательской вежливостью. Мое царство начиналось здесь: стерильный белый холл, бездушные орхидеи и тишина, нарушаемая лишь мерным стуком клавиатур. Девушка-ресепшен с лицом, как у фарфоровой куклы, проводила меня до тяжелой двери с табличкой «М.О. Крылов».

- Вам к Максиму Олеговичу. Он вас ждет.

Проговорила она так, словно отправляла меня в кабинет к белому акулёнку, который только притворяется милым.

Я глубоко вдохнула, представив, что вдыхаю запах уверенности, а выдыхаю комок нервов.

И вошла.

Кабинет был огромным, минималистичным и холодным, как скафандр. За гигантским столом из темного дерева сидел Он.

Максим Олегович Крылов.

В жизни он был даже хуже, чем в слухах. Не просто красивый – что бесило отдельно, а красивый с таким видом, будто знает об этом и давно устал от этого бремени. Идеальный пробор, идеальная бледно-голубая рубашка, идеальный, ледяной взгляд, скользнувший по мне с ног до головы. В этом взгляде не было ничего личного – только оценка, как оценивают новый офисный стул: впишется ли в интерьер, не будет ли скрипеть.

- Анна Соколова? – голос был низким, ровным и таким же безличным, как стерильный воздух в кабинете. – Садитесь.

У меня пятнадцать минут.

«И у меня, дорогой мой, на вас тоже всего пятнадцать», - мысленно парировала я, с достоинством устраиваясь в кресле, которое оказалось на сантиметр ниже, чем нужно, чтобы чувствовать себя на равных. Старый трюк. Я не поддалась.

Собеседование началось как стандартный допрос с пристрастием. Он сыпал вопросами о KPI, ROI, эффективности и прочей тарабарщине, на которую я отвечала четко, подкрепляя цифрами из прошлых мест работы. Я видела, что его это слегка удивляло. Видимо, он ожидал, что при виде его я расплывусь в нервной улыбке и начну лепетать.

И тут мы подошли к кульминации.

- Ваше резюме говорит, что вы на предыдущем месте внедрили новую систему документооборота, - сказал он, не глядя на бумаги, а глядя прямо на меня.

Его взгляд был сконцентрирован на моем лице с такой интенсивностью, будто он пытался прочесть там штрих-код.

- Сократили время обработки на 30%. Как?

- Я упростила маршруты согласования, убрав три лишних этапа, - начала я.

- Лишних? – он приподнял идеальную бровь. – В бизнес-процессах не бывает «лишнего». Бывает «неоптимизированное». Ваша формулировка непрофессиональна.

Вот тут во мне что-то щелкнуло. Непрофессиональна? Эта система спасла отдел от ежедневного нервного тика!

- Максим Олегович, с уважением, но если процесс требует

семи подписей на документе, который в итфере подписывает один человек, то пять из них – балласт, - сказала я, и мой голос зазвучал тверже, чем я ожидала. – Балласт, который съедает время, деньги и мотивацию сотрудников. Я это не из учебника вычитала. Я это вынесла на себе,нося эти бумаги между кабинетами. Иногда буквально на себе.

Он откинулся в кресле, сложив пальцы домиком. Казалось, я его заинтересовала. Как необычный, немного наглый экземпляр.

- Идеализм. В большом бизнесе контроль важнее скорости, - пытается спорить со мной.

- Контроль ради контроля – это бюрократия, - выпалила я, забыв про осторожность. – А бюрократия - это когда все всё контролируют, но ничего не происходит. Я предпочитаю, чтобы происходило.

В кабинете повисла тишина. Такой тишины я никогда не слышала. Казалось, даже кондиционер замер, ожидая, куда полетит моя голова, сорвавшаяся с плеч.

Максим Олегович медленно поднялся из-за стола. Он был высоким. Очень. Он обошел его и сел на край, прямо напротив меня. Теперь он смотрел сверху вниз не только физически.

- Вы позволяете себе спорить с потенциальным работодателем, Соколова. Дерзко.

- Я не спорю, я отстаиваю эффективное решение, — сказала я, чувствуя, как краснею, но отступить было уже нель-

зя. — Если вам нужен человек, который будет бездумно кивать, я... пожалуй, не подхожу. У меня, к сожалению, сломана пружина в шее.

Что-то мелькнуло в его глазах. Не улыбка. Боже упаси. Скорее... искра. Как будто кто-то чиркнул зажигалкой в ледяной пещере.

- «К сожалению»? — повторил он, саркастически дернув бровью. — Интересная формулировка. Большинство бы сказало «к счастью».

- Большинство боится показаться неудобными, - пожала я плечами, чувствуя, что провалилась окончательно и бесповоротно, отчего стало немного легче.

Ну и ладно. По крайней мере, уйду с высоко поднятой, пусть и слегка растрепанной, головой.

Он снова помолчал, изучая меня. Его взгляд скользнул по моим рукам, сжимающим портфолио, к лицу, задержался на глазах.

- Ваша система, - вдруг сказал он отстраненно, - та, что с балластом. Вы ее подробно описали?

- Да, в приложении к резюме. На двадцатой странице.

- Хм, - он вернулся за стол и пролистал мои бумаги.

Нашел. Просмотрел.

Минут пять в кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц. Потом он отложил папку.

- Вы наглы, Соколова. Или очень самоуверенны, - просто выносит свой вердикт.

- Я хороший специалист, - поправила я его, уже не надеясь ни на что.

- Это еще предстоит доказать. С понедельника. Девять утра. Без опозданий. С вами свяжутся по поводу документов.

Я просто устала на него. Мозг отказался обрабатывать информацию.

- Извините... что?

- Вы приняты. На испытательный срок, - он уже смотрел на монитор, явно считая разговор оконченным. – И, Соколова, на работе ваша... сломанная пружина в шее будет включаться только после обоснования своей точки зрения цифрами. Понятно?

Я не нашлась, что ответить. Только кивнула, встала на ватные ноги и поплыла к выходу.

- И да, - раздался его голос уже у меня за спиной, когда я взялась за ручку. – Платье. Бежевый. Стратегически верный цвет. Не отвлекает.

Я вышла в холл, закрыла дверь и прислонилась к стене. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Он взял меня на работу. После того как я фактически назвала его систему бюрократической помойкой.

В кармане завибрировал телефон. Маша.

- Ну что?! Съел?

- Нет, - прошептала я, глядя в потолок, где холодные светильники напоминали звезды в чужой, строгой галактике. – Кажется... я ему понравилась.

- В смысле? Флиртовал?!

- Нет. Я ему понравилась как... как шуруповерт. Мощный, немного дерзкий, но полезный. Я теперь офисный шуруповерт, Маш. С понедельника.

- Поздравляю? – в голосе подруги звучала полная потерянности.

Я шла к лифту, и по спине пробежала странная смесь ужаса и предвкушения. Две недели до Нового года. Две недели, чтобы доказать этому ледяному царю в идеальной рубашке, что я не просто пышка в бежевом платье. Что я – тот самый шуруповерт, который сможет разобрать и собрать его идеальный, но, возможно, слишком закрученный мир.

Если, конечно, он меня до этого не разберет на винтики...

Глава 2. Максим Олегович

Дверь за этой Соколовой закрылась с тихим, но выразительным щелчком. В кабинете воцарилась привычная стерильная тишина, нарушаемая лишь еле слышным гулом города за панорамным стеклом. Я, Максим Олегович Крылов, откинулся в кресле и позволил себе то, что никогда не позволяю на людях – легкую, едва заметную улыбку.

«Пружина в шее». Балласт. Бюрократическая помойка.

Соколова за пятнадцать минут умудрилась обозвать всю мою выстроенную годами систему управления так, словно это не тонкий механизм, а развалюха в гараже. Самоуверенная... пышка в бежевом. Смотрела прямо в глаза, не отводя взгляда, даже когда поняла, что зашла слишком далеко. В ее глазах не было страха. Была ярость. Чистая ярость профессионала, чье детище называли хламом. Это было... освежающе. Как глоток ледяной «Перье» после теплого шампанского на корпоративе.

Мой взгляд упал на смартфон. Ровно в 19:00 по московскому времени – звонок. Сердце, этот предательский мотор, давно отключенный от глупостей вроде «волнения», сделало одно четкое, уверенное движение. Я принял видеовызов.

Экран ожил, и в моем кабинете, в холодном московском вечере, появилось солнце.

Кристина.

Загорелая, сияющая, с влажными от недавнего душа волосами, заброшенными на одно плечо. Она сидела на балконе своих миланских апартаментов. За ее спиной угадывался до боли знакомый пейзаж.

- Макс, - ее голос был теплым, немного хрипловатым от усталости, и в нем мгновенно растворились все остатки напряжения от прожитого дня. – Я уже начала думать, что какой-нибудь кризис отнял у меня эти двадцать минут.

- Кризис в виде одного кандидата на должность помощника, - парировал я, наслаждаясь тем, как ее глаза, сузившиеся в улыбке, смотрят на меня через тысячи километров. – Но он благополучно разрешился. В мою пользу.

- Как обычно, - она взяла бокал с чем-то прозрачным. – Рассказывай. Мне нужно отвлечься от этих бесконечных эскизов. Ты не представляешь, как здесь могут дотошно вызывать линию плеча.

Я позволил себе расслабиться, потому как сотрудники офиса постепенно покидали свои рабочие места, шумя немного в холле. Снял пиджак, расстегнул верхние две пуговицы рубашки. Это был наш негласный ритуал. Сначала – дела, новости, быт на расстоянии. Потом... все остальное.

- Так вот, представляешь, приходит эта... девушка. Смотрит на меня с вызовом. Как будто я не босс, а оппонент на дебатах.

- Дерзко, - Кристина провела пальцем по ободку бокала. Ее движения были плавными, отточенными. В них была

вся ее суть – дорогая, эффективная, безупречная эротика.

- Более чем. Заявила, что моя система документооборота – бюрократическая помойка, а семь подписей – балласт.

Кристина рассмеялась. Звонко, искренне.

- Боже, и ты ее сразу вышвырнул? Я бы заплатила, чтобы увидеть твое лицо в этот момент.

- Вот в том-то и дело, что нет, - я сделал паузу, чтобы усилить эффект. – Я ее взял. С понедельника она мой новый помощник.

На экране смех замер, сменившись легким, искренним удивлением.

- Взял? Ту, что назвала твою священную систему... помойкой? Макс, с тобой все в порядке? Ты точно не перепутал резюме?

- Все в идеальном порядке, - я чувствовал, как во мне растет самодовольная уверенность, которая помогла построить эту компанию. – Ты знаешь мою теорию. Людей делят на две категории: те, кто умеют думать, и те, кто умеют подчиняться. Она из первых. Очень резко, очень дерзко, но... думает. И видит несовершенства. Грубо, топорно, но видит.

- Так найми ее консультантом на разовую работу. Зачем тебе под боком такая... пилильщица сук, на которых ты сидишь?

Вопрос был резонным. И именно его я и ждал.

- Потому что это вызов, Крис. Интеллектуальный. Она пришла с готовым вердиктом. «Вы неэффективны». Моя за-

дача – за следующие пару месяцев доказать ей, что она ошибается. Не словами. Делом. Показать, что каждая из этих семи подписей – не балласт, а необходимый предохранитель. Что ее бунтарский дух хорош для стартапов, а не для отлаженной машины. Посадить ее в самое сердце системы и дать ей убедиться, как она была права. Это... интересный эксперимент. Осадить дерзкую выскочку, превратив ее в самого эффективного сторонника МОИХ методов.

Я умолчал о других, более приземленных деталях. О том, что ее резюме было действительно блестящим. О том, как ее глаза загорелись, когда она говорила о своей системе, - в них был огонь, которого так не хватает моим вышколенным, вечно кивающим менеджерам. И уж точно не стал упоминать ее... форму. Пышную, мягкую, так контрастирующую с ее острым умом и еще более острым языком. Это было забавно: такой буйный интеллект в таком... уютном теле. Как плюшевый мишка с градусником взрывчатки внутри.

- Значит, ты взял ее из чувства превосходства? Чтобы поставить на место? – уточнила Кристина, и в ее глазах мелькнуло понимание, смешанное с легкой усмешкой.

Ей, как никому другому, была знакома моя потребность все контролировать и доказывать.

- Из чувства здравого смысла, приправленного справедливым желанием преподать урок, - поправил я. – Она будет либо лучшим моим наймом, либо самым быстрым увольнением. В любом случае, это будет поучительно.

- Для нее или для тебя? – Кристина отпила из бокала, и ее губы, тронутые влагой, привлекли все мое внимание.

Разговор плавно смещался в другое русло.

- Для бизнеса, дорогая. Только для бизнеса.

Наступила пауза. Но это была уже другая пауза, наполненная тем, что витало между нами все эти долгие месяцы. Электроны на экране будто сгущались, передавая не слова, а тепло ее кожи, запах ее духов, обещание близости.

- Ты очень жестокий человек, Максим Олегович, - произнесла она тихо, томно, переходя на шепот.

Ее палец снова заскользил по краю бокала, но теперь это движение было откровенно медленным, гипнотическим. – Заставлять бедную девушку доказывать, что она не права... А что, если она не сдастся?

- Все сдаются, - так же тихо ответил я, и моя рука сама потянулась к экрану, как будто я мог через него коснуться ее. – Рано или поздно. Просто нужен правильный... подход.

- Ммм... Подход, - она отставила бокал, и камера чуть качнулась, поймав линию ее шеи, начало ключицы, открытой широким вырезом халата. – А у тебя, я помню, с подходом всегда было все в порядке.

Это был наш код. Начало. Шесть месяцев разлуки мы оттачивали этот ритуал до совершенства. Сначала слова – острые, намеками. Потом взгляды в камеру, которые должны были заменить прикосновения. Медленное, почти невыносимое раздевание, растянутое на десятки минут, где каждый

сантиметр обнаженной кожи был и победой, и пыткой. Секс по видеосвязи – это высшая математика страсти. Требуется фантазии, терпения и полного контроля над каждым мускулом, над каждым вздохом. Для меня, человека, ценившего контроль выше всего, это была и пытка, и наслаждение.

- Покажи, - выдохнул я, и мой голос стал на полтона ниже, потерял деловую четкость. – Что там с тем плечом... которое они так долго вылизывали.

Кристина улыбнулась, кошачьей, довольной улыбкой. И начала. Медленно, будто в танце, халат соскользнул с одного плеча. Кожа под ним была золотистой, гладкой. Она всегда знала, как играть со светом, как повернуться, чтобы тень легла именно так...

Я отключил часть мозга, отвечающую за бизнес-планы, документооборот и дерзких помощниц в бежевом. Оставался только я, экран, ее образ и тысяча километров между нами, которые через час превратятся в сладкую, выматывающую иллюзию близости.

Но где-то на самом дне сознания, как назойливый фоновый шум, оставалась мысль. Мысль о том понедельнике. Об эксперименте. О Соколовой с ее «пружиной в шее». Было что-то порочно увлекательное в этой идее – приручить, обучить, доказать. Сломать ее строптивость о гранит моего опыта.

Как же я тогда ошибался. Я готовился сломать ее теорию. Я даже не подозревал, что она, со своим ванильным шам-

пунем и взглядом, полным ярости, готовится вломиться в мою... жизнь.

Глава 3. Анна

Мамин голос в утреннем телефонном будильнике: «Доченька, не забудь покрепче завтракать! Ты же первый раз в первый класс!» - был чудовищно некстати. Завтракать? Меня лихорадило так, что даже вода вызывала тошноту. Я, Анна Соколова, человек, способный одним взглядом укротить гнуснейший программный баг, стояла перед дверью офиса «Крылов и Ко» с ощущением, что иду на смертную казнь.

Первая ошибка: я пришла на пятнадцать минут раньше. Ресепшн оказался закрыт. Я стояла, прижавшись к стене, как контрабандист, и тупо улыбалась каждому входящему сотруднику. Они проходили мимо с видом экспертов, оценивающих новую мебель: «Ага, плюшевый диванчик, модель «Отчаяние».

Вторая ошибка: когда, наконец, пустили, попыталась найти свою комнатку по памяти с собеседования и заблудилась. В итоге ко мне подошла та самая фарфоровая ресепшионистка и с ледяной вежливостью проводила, будто под конвоем.

Мой «кабинет» оказался подсобкой, куда, судя по всему, сваливали все, что не влезало в стройные ряды архива. Но стол был, компьютер – древний, но живой, и даже маленькое окно, выходящее на стену соседнего здания. «Вид на жизненные перспективы», - мрачно пошутила, пробормотав се-

бе под нос.

В 9:00 ровно внутренний телефон издал сухой треск. Голос в трубке был таким, каким, наверное, разговаривают в космосе: без эмоций, без помех, просто факты.

- Соколова. Через пять минут у меня. С ноутбуком и блокнотом.

Третья, главная и роковая ошибка: я решила, что «блокнот» - это фигура речи. У меня же ноутбук! Взяв его и новенький стикер-пак, я рванула в кабинет.

Максим Олегович сидел в той же позе, что и на собеседовании. Монумент самому себе. Его взгляд, как два лазерных дальномера, прошелся по мне, задержался на ноутбуке и... пустом столе передо мной.

- Где блокнот? – спросил он без предисловий.

- Я... я думала, в ноутбуке... - начала я.

- Я не думаю. Я знаю. Блокнот – это материальное подтверждение мысли. Его можно порвать, если мысль глупая. На нем можно нарисовать схему быстрее, чем в любой программе. Вам выдали канцелярию?

- Нет еще, - прошептала я, чувствуя, как горят уши.

- Неважно, - он открыл ящик стола, достал идеальный, толстый блокнот и швырнул его на стол передо мной. – Пользуйтесь. Это не подарок. Это инструмент. Записано?

Это было «записано». Все дальнейшее было записано в этот блокнот, который я ненавидела уже на пятой минуте.

День превратился в бесконечный квест на выживание.

Задача 1: Принести договор.

Я принесла.

- Почему он не прошит?

- «Его нужно прошить»?

- Вам, по-вашему, нитки выдали для шитья душевных ран? Прошить. И нумеровать листы.

Задача 2: Найти письмо от клиента.

Я нашла за две минуты.

- Почему вы искали его через поиск по дате, а не по названию проекта? Поиск по дате на три секунды дольше. Неэффективно.

Задача 3: Приготовить чай к совещанию.

Я, наученная горьким кофейным опытом, принесла кипятилок и пакетики.

- Вы что, решили устроить здесь посиделки в общежитии? Чай заваривается в чайнике. Рассыпной. Температура воды 90 градусов, не кипятки. Записано?

Каждое «записано?» было похоже на укол тонкой иглой. Он не кричал. Он не злился. Он констатировал. Он делал замечания, которые были на 100% справедливы с точки зрения его безупречного стандарта и на 100% уничижительны для меня, которая пыталась не утонуть в этом водовороте новых правил.

Обед я, разумеется, пропустила. В 15:00 у меня закружилась голова от голода и стресса. Я вышла в коридор, чтобы глотнуть воздуха у пожарного выхода, и столкнулась нос к

носу с ним. Он как будто вырос из стены.

- Вы где пропадаете?

- Я... пять минут. Перевести дух.

- Дышать можно и за рабочим столом. Кислород там того же химического состава. У вас недоделана таблица по отчету за ноябрь. Я жду ее к 17:00.

Вернувшись за стол, я обнаружила на нем яблоко и шоколадный батончик. Рядом лежала записка от фарфоровой девушки, имя которой было Алиса. Я узнала, пробегая в очередной раз мимо.

«Держись. Все через это проходили. Не ешь при нем. Убьет».

Я чуть не расплакалась от этой мелкой, подпольной доброты. Отломил кусочек шоколада, ощутив прилив сил, и с яростью обреченного набросилась на ту самую таблицу.

В 16:58 зашла в кабинет и молча положила распечатанную таблицу перед ним. Руки дрожали.

Он взял лист. Долго, мучительно долго изучал каждую цифру, каждую сводную формулу. Я стояла, глядя в стену за его головой, и мысленно прощалась с работой мечты. Он найдет ошибку. Обязательно найдет. Или скажет, что шрифт не тот.

Он положил лист на стол. Поднял на меня взгляд.

- Формула в ячейке G12. Вы использовали усредненный коэффициент, хотя нужно было взять динамический, с нарастающим итогом. Из-за этого итог занижен на 0.7%.

Мое сердце упало куда-то в ботинки. Вот он, финальный аккорд.

- Но, - отложил таблицу в сторону. – Вся предыдущая структура данных выстроена безупречно. Логичнее, чем у предыдущего сотрудника. Исправьте G12 и отправьте финальную версию мне на почту. Сегодня. До того, как вы уйдете.

Я просто кивнула, не в силах вымолвить слово.

- И, Соколова, - его голос прозвучал чуть тише, но не мягче. – Завтра... принесите тот капучино. С корицей. На развес. Я хочу понять, что там за комплимент от заведения.

Я вышла из кабинета, закрыла дверь и прислонилась к стене в коридоре. Дрожь в коленях сменилась странной, почти истерической решимостью. Он не выиграл. Он не сломал. Он просто показал мне высоту барьера.

Вернулась в свой кабинет, села за стол, нашла ошибку в ячейке G12 (проклятая G12!), исправила ее и отправила письмо. В поле «Тема» я вместо «Отчет_ноябрь_финал» написала: «Отчет_ноябрь_финал_исправлена_G12_коэффициент_взят_динамический».

Пусть знает, что я усвоила урок. Не только про коэффициент.

Первый рабочий день закончился. Я вышла на улицу, где уже темнело и горели гирлянды. Была измотана, унижена, но жива. И в кармане лежал чужой блокнот, на первой странице которого корявым почерком было написано: «Выжить.

Исправить G12. Принести капучино. И никогда, НИКОГДА не плакать при нем».

Это был наш первый бой. И я в нем устояла. Пусть и еле держась на ногах.

Глава 4. Максим Олегович

Эксперимент под кодовым названием «Соколова» вступил в стадию активных наблюдений. Первая неделя с новым помощником напоминала не работу, а серию коротких, интенсивных спаррингов. Каждый день я давал себе слово сохранять ледяное спокойствие, и каждый день эта девушка находила способ его нарушить.

Утро вторника началось с кофе. Я ждал. Ждал ее попытки повторить вчерашний провал с эспрессо. И она ее предприняла. Поставила передо мной чашку, из которой валил пар и нежный, пряный запах.

- Капучино. С корицей. Без сиропа. Как просили, - доложила она с видом сапера, обезвредившего бомбу.

Но в ее голосе звучал вызов.

Я отпил. Слишком сладко. Но... сносно. Прогресс.

- Принято, - кивнул я, не удостоив ее взглядом.

Но я заметил, что на ее лице мелькнуло что-то вроде разочарования. Интересно, она ждала взрыва?

Ее главным оружием было упрямство, завернутое в обертку нарочитого простодушия. Когда я указал ей на несоответствие ее схемы документооборота со стандартом компании (и потратил двадцать минут на обоснование, почему мой стандарт – единственно верный), она выслушала, кивнула и сказала:

- Поняла. Ваша система – это федеральная трасса. Моя была проселочной дорогой. Но иногда на проселочной дороге можно быстрее доехать, если знаешь все кочки.

- А я предпочитаю не знать кочек, а ездить по асфальту, - парировал я. – Переделайте.

Она переделала. Безупречно. Но я видел, как ее пальцы разминали стикер-пак, пока она работала. Как будто она сминала в воображении мои доводы.

Она допускала ошибки. Мелкие, досадные, которые я методично вылавливал и преподносил как доказательства ее изначальной неправоты.

- Соколова, вы отправили приглашение на встречу на 17:00 в четверг. В моем календаре в это время стоит блок «стратегическое планирование». Вы что, не смотрели? – спрашивал я, наслаждаясь тем, как она бледнеет, лихорадочно открывая свой календарь.

- Смотрела, но... это был повторяющийся блок, и я подумала...

- Не думайте. Сверяйтесь. Всегда. Записано?

«Записано» стало моим любимым словом. Оно било без промаха, лишая ее всяких контраргументов. Она кивала, ее пухлые щеки слегка розовели, но в глазах не было сломленности. Там тлели угли. Угли неповиновения. Это раздражало и... забавляло. Она, как упрямый, но умный щенок, который все еще надеется перехитрить дрессировщика.

В четверг вечером, после очередного «разбора полетов»

по поводу некорректно оформленного коммерческого предложения, Анна ушла из кабинета, плотно прикрыв дверь. Через полчаса я вышел и увидел ее за своим столом в приоткрытой «подсобке». Она что-то яростно печатала, а на мониторе по-прежнему красовался тот дурацкий котенок в колпаке Санты. Рядом с кружкой лежало печенье в форме елки. Она не сдавалась. Она украшала свою крепость.

В пятницу вечером, когда офис опустел, я принял видеозвонок от Кристины. Она выглядела потрясаяще уставшей и оттого еще более соблазнительной.

- Ну как, Макс? Твое живое учебное пособие по неправильному менеджменту все еще на плаву? – спросила Кристина, лениво потягивая вино.

- Более чем, - я позволил себе усмехнуться, откинувшись в кресле. – Сегодня она чуть не отправила партнерам предложение, где сумма контракта была выделена зеленым шрифтом. Сказала: «Чтобы было позитивно».

Кристина рассмеялась, звонко и легко.

- Боже, это же прекрасно! Ты представляешь лицо старого Борисова, если бы он получил такое?

- Я представляю, как бы я его потом откачивал. Она же еще шрифт изменила с делового Таймса на Комик-санс, - сказал я, но тоже улыбался. – Но знаешь, что самое забавное? Она тут же, не спрашивая, переделала все по стандарту. И вложила в письмо сухое, но убийственно точное извинение от моего имени. Как будто знала, что я этого потребую.

- О, так она не просто дурочка с бантиком? Она дурочка с бантиком и стратегическим мышлением? – в голосе Кристины зазвучал живой интерес.

- Что-то вроде того, - согласился я, ловя себя на мысли, что рассказываю о Соколовой с каким-то странным азартом. – Это как наблюдать за тем, как ежик пытается построить плотину. Бесплезно, неэффективно, но чертовски упорно.

- И ты все еще уверен, что сломаешь ее? – спросила Кристина, прищурившись.

В ее взгляде была та самая смесь любопытства и легкой ревности, которую я знал и... ценил.

- Я не ломаю, Крис. Я привожу к оптимальной форме, — поправил я ее, мой тон вновь стал деловым. – К Новому году она либо будет идеально вписана в систему, либо... эксперимент будет завершен. Отрицательный результат – тоже результат.

- Жестоко, - прошептала она, но в ее глазах светилось одобрение.

Ей нравилась моя непреклонность. Это была наша общая валюта.

- А что насчет ее... ну, внешних данных? Мешают концентрации?

Я сделал паузу, выдерживая ее игривый взгляд.

- Сложно не заметить, - сухо констатировал я. – Но это лишь дополнительный фактор неорганизованности. Как тот ее котенок на заставке. Мимишный и абсолютно нефункци-

ональный. После праздников все это будет убрано.

Мы перешли к более приятным темам – ее возвращению, моим планам на романтический вечер после корпоратива. Но даже когда экран погас, я сидел в тишине кабинета и думал не о Кристине, а о том «дополнительном факторе неорганизованности». О том, как сегодня, делая ей замечание, я поймал себя на том, что слежу не за ее глазами, а за тем, как вздрогнула ямочка на ее щеке, когда она сглотнула обиду.

Эксперимент шел по плану. Анна сопротивлялась ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы доказать мою правоту. Скоро Новый год, скоро возвращение Кристины. И тогда все встанет на свои места. А Соколова... Соколова либо станет винтиком в моем механизме, либо будет заменена на более подходящую деталь.

Все было логично. Все было под контролем. Так почему же в предвкушении понедельника и новой партии наших мини-сражений во мне пробуждалось не раздражение, а та самая острая, хищная заинтересованность, с которой я обычно брался за самые сложные сделки?

Глава 5. Анна

Выходные пролетели в двух режимах: «жалобный» и «обжорный». Субботнее утро началось со звонка маме.

- Ну как там, доченька? Притираешься? – ее голос звучал так же бодро, как мой будильник.

- Мам, он не человек. Он андроид. С программой «Уни- зить и указать на несовершенство вселенной». Вчера он полчаса объяснял мне, почему ставить два пробела после точки - «признак цифрового варварства». Полчаса, мам!

- Может, он просто перфекционист? – осторожно предположила мама, и я мысленно увидела, как она на кухне качает головой, помешивая борщ. – Ты же сама говорила, компания солидная.

- Перфекционист – это когда сам безупречен. А он... он просто получает от этого кайф! – выдохнула я, бездумно ковыряя дыру на диване.

Вечером наступила очередь Маши. С ней можно было не церемониться.

- Представляю его, гада! – зашипела она в трубку. – Красавчик-садист в дорогом костюме. Классика. Ну что, уже мечтаешь принести ему кофе в постель, чтобы он и там тебя отчитал за неправильную температуру?

- Маша! – фыркнула я, но в ее словах была ядовитая доля правды.

Ненависть к нему была такой живой, такой острой, что граничила с болезненным интересом.

- Я мечтаю, чтобы его кофе остыл. Или чтобы в нем плавала муха. Нет, две мухи!

- Ага, а потом ты ее выловишь и извинишься за нарушение экосистемы его чашки, - засмеялась Маша. – Держись, пышечка. Или сдавайся. Оба варианта норм.

- Я не сдамся, - буркнула я, но без прежней уверенности. После недели под его прицелом силы таяли, как снежинка на лацкане его пиджака.

В воскресенье я пекла печенье. Месила тесто так яростно, что, казалось, это не мука, а его надменное лицо. Потом съела половину прямо с противня, заливаясь слезами от злости к нему и жалости к себе.

Понедельник начался с предчувствия катастрофы. Я принесла ему капучино. Уже идеальной температуры и с правильным количеством корицы - здесь я сдалась и изучила ГОСТ, кажется. Он кивнул, не глядя. Плохой знак.

Скандал грянул после обеда. Я отправила финальную версию коммерческого предложения крупнейшему клиенту. Через десять минут внутренний телефон завизжал, как раненый зверь.

- Соколова. Ко мне. Немедленно.

Его голос был тихим. От этого стало еще страшнее. В кабинете он не сидел за столом. Он стоял у окна, спиной ко мне, держа в руках распечатку моего предложения.

- Объясните это, - он не обернулся, просто бросил лист на стол передо мной.

Я посмотрела. Все было как всегда. Логотип, реквизиты, расчеты...

- Я не понимаю, что...

- Сумма, Соколова! – он резко повернулся, его лицо было бледным от гнева. – Вы отправили клиенту предложение, где итоговая сумма на пятнадцать тысяч долларов меньше, чем в утвержденном мной черновике! Вы понимаете, что это значит? Это значит срыв сделки! Это значит, что мы работаем в убыток! Это значит профессиональная непригодность!

У меня в глазах потемнело. Я схватила лист, мои пальцы затряслись. Цифры плясали перед глазами. И тут я увидела. Не ошибку в формуле. Ошибку в версии файла. В папке лежали два почти идентичных документа: «Предложение_Клиент_финал_МОК» и «Предложение_Клиент_финал_МОК_исправлено». Я в панике открыла не тот. Тот, что был с его правками на полях, но без внесения итоговой суммы. Черновик.

- Я... я перепутала файлы, - выдохнула я, чувствуя, как пол уходит из-под ног. – В папке было два почти одинаковых...

- ПОЧТИ? – он ударил кулаком по столу, отчего я вздрогнула всем телом, заколыхав своими пышными прелестями. – В бизнесе не бывает «почти»! Бывает «сделано» и «провалено»! Вы провалили! Из-за вашей расхлябанности и невни-

мательности компания может потерять контракт! Я трачу на вас свое время, чтобы выучить вас азам, а вы не можете отличить черновик от финальной версии!

Каждая его фраза была как пощечина. Слезы подступили к горлу, но я сжала зубы. Плакать при нем – последнее дело.

- Я все исправлю. Сейчас же позвоню, объясню, что это техническая ошибка, отправлю правильный файл.

- Вы будете молчать! – прошипел он. – Я сам буду разгребать этот бардак. Благодаря вам. Выйдите. И чтобы я не видел вас до конца дня.

Выйти из кабинета на ватных ногах. Услышать за спиной, как он набирает номер клиента и начинает говорить уже другим, медовым голосом: «Добрый день, Игорь Петрович, это Крылов. К сожалению, у нас небольшой технический сбой в отправке...»

Стыд и бессильная ярость гнали меня прочь по коридору. Я почти добежала до своей подсобки, как вдруг вспомнила: я оставила на столе блокнот. Тот самый, который мне торжественно «вручил» в первый рабочий день сам Крылов. Он терпеть не мог «разбросанных личных вещей». «Еще один повод для казни», - мелькнула мысль. Я резко развернулась, чтобы вернуться и забрать.

Дверь его кабинета оказалась приоткрытой, хотя я его закрывала. Небольшой щели хватило, чтобы услышать его голос. И все слова. Он говорил с кем-то по телефону, отходя от двери, думая, что я далеко.

- ...Да, все улажено. Нет, сбоя не было, просто сотрудник перепутал файлы... Ага, новенькая... Нет, не волнуйтесь, она у меня на коротком поводке. Я вижу каждый чих в ее каморке...

Слово «каморка» прозвучало с таким снисходительным презрением, что я замерла. А потом мозг, как заевшую пластинку, прокрутил фразу: «Я вижу каждый чих».

Он... видит? Как? Через стены? Через отчетность? Нет, это было сказано с конкретикой: «в ее каморке».

Лед пробежал по спине. Я медленно повернулась и шагнула обратно к его кабинету. Я не стала стучать. Я решительно толкнула ее и застыла на пороге, даже не собираясь проявлять вежливость и учтивость.

Максим Олегович стоял у стены-аквариума, спиной ко мне, все еще с телефоном у уха. Услышав скрип, обернулся. Увидев меня, его лицо на миг выразило раздражение, затем мгновенно натянуло привычную маску безразличия.

- Я перезвоню, - бросил он в трубку, отключившись. – Вы забыли, как стучать, Соколова? Или как выполнять приказы? – голос был ледяным.

- Вы сказали, что видите каждый мой чих. В моей «каморке». Как именно вы это видите, Максим Олегович?

Он не моргнул. Ни один мускул не дрогнул на его идеальном лице.

- Фигура речи. Основанная на факте вашего тотального непрофессионализма, который виден невооруженным гла-

зом по результатам работы. Как тот самый черновик вместо финала.

- Это не фигура речи, - я сделала шаг внутрь кабинета.
- Это было конкретно. «В ее камере». У вас там камера? Скрытое наблюдение?

Он тихо фыркнул, сел в кресло и откинулся на спинку, демонстрируя полное спокойствие.

- Вы страдаете манией преследования, Соколова. Это часто бывает у людей, которые не справляются с обязанностями. Ищут внешних врагов. В вашей подсобке нет камер. Это запрещено внутренним регламентом и здравым смыслом – наблюдать, как вы печатаете или... пьете свой капучино. Вы мне не настолько интересны.

Он сказал это так убедительно, с такой легкой, издевательской усмешкой, что я на секунду поверила. Может, и правда, паранойя? Стресс, унижение, его вечный прищур – они сводят с ума. Причем в натуральном смысле этого слова.

- Вы уверены? – спросила я, но уже без прежней силы.
- Абсолютно, - он взял со стола папку, давая понять, что разговор окончен. - Если вас так волнует ваша приватность, могу порекомендовать психолога. А теперь займитесь, наконец, работой. И выключите свой обогреватель. Он потребляет на 15% больше энергии, чем стандартные модели. Я вижу это по счетам.

Последняя фраза добила. Он знал про обогреватель. Который я включала сегодня утром, когда в офисе еще никого

не было. Который был куплен мной и принесен из дома. Он не мог узнать о нем «по счетам» так быстро.

Я не сказала больше ни слова. Я вышла. Но теперь это был не уход побежденной. Это была вылазка за доказательствами.

Я вбежала в свою подсобку, захлопнула дверь и встала посреди комнаты. Дышала часто. Глаза метались по потолку, стенам, углам. Кондиционер, полка с архивами, коробки с бумагой, старый цветок в горшке... Ничего.

«Я вижу каждый чих».

Подошла к своему столу и села так, как обычно сижу. Подняла глаза и медленно, сантиметр за сантиметром, осмотрела все, что было передо мной и над головой. И тогда я заметила. На книжной полке, вровень с моими глазами, стояла старая, пыльная коробка от оргтехники, задвинутая в самый угол. На ее боку, в фирменном логотипе производителя, было стилизованное изображение глаза. Око. И прямо в центре зрачка этого «ока», черная, не более спичечной головки, но идеально круглая линза.

Она смотрела прямо на меня.

Я не вскрикнула. Не заплакала.

Медленно, как во сне, я подняла руку и... показала в камеру ФАК...

Глава 6. Максим Олегович

Ах ты зараза...

Я смотрел на монитор, не веря своим глазам. В маленьком черно-белом квадратике, транслирующем вид из ее «камерки», Анна сидела за столом. И показывала прямо в камеру, в ту самую линзу в коробке, неприличный жест. Средний палец. Четко, медленно, с вызовом. А потом ухмыльнулась. Она знала. Ощущение было таким, будто меня хлопнули по лицу через экран.

«Вот как? – прошипел я про себя, откидываясь в кресле. – Дерзкая дура. Сейчас я...»

Но тут она убрала палец и взяла в руки телефон. Что она задумала? Снимок сделает? Сейчас позвонит кому-нибудь? Мои пальцы сами потянулись к мышке, чтобы отключить трансляцию. Но любопытство сковало. Я видел, как ее губы шевелятся, она что-то ищет. Наблюдать дальше было верхом непрофессионализма. Я должен был прекратить это сейчас же.

Но вместо этого натянул наушники. В наушниках был ее голос.

- ...давай, найдем... Ага.

И вдруг в наушниках, а затем и из микрофона камеры полилась музыка. Медленная, томная, с тягучим ритмом. Что-то между джазом и трип-хопом. Что за чертовщина?

Анна отодвинула стул и встала. Она смотрела прямо в камеру. Она смотрела куда-то в сторону, будто раздумывая. А потом... потом она начала двигаться.

- Что ты... - вырвалось у меня шепотом.

Это не был танец. Это была... демонстрация. Анна провела ладонями по своим бедрам, подчеркивая линию. Затем медленно, с невозмутимым видом, закинула руки за голову, изгибаясь в поясице. Ее тело, это самое ее «пышное», «неорганизованное» тело в облегающей одежде, вдруг стало воплощением какой-то опасной, дразнящей грации. Каждое движение было медленным, осознанным, нарочито эротичным. Она вращала бедрами в такт музыке, ее грудь покачивалась под тканью. Я замер, не в силах оторвать взгляд. Секс по видеосвязи с Кристиной был отточенным спектаклем, красивым и контролируемым.

А вот это... это было дико. Грубо. Неприлично. И чертовски зажигательно.

Потом ее пальцы потянулись к пуговицам на блузке.

Нет. Нет-нет-нет.

Одна пуговица расстегнулась. Вторая. Между полами темной ткани мелькнуло кружево.

Черное.

Я забыл, как нужно дышать. Все мое тело напряглось в один большой, предательский нерв. Она приоткрыла блузку, показывая не просто лифчик, а целую историю. Пышную, соблазнительную, затянутую в черные кружева. Она знала,

что на нее смотрят. И она играла. Со мной.

Когда ее рука потянулась за спину, к застежке лифчика, во мне что-то сорвалось. Контроль, рассудок, вся эта хлипкая конструкция из правил и превосходства.

- Твою мать! – я выругался так громко, что, кажется, оглох сам.

С такой силой рванулсЯ со стула, что он с грохотом отъехал и ударился о стену. Я выдернул штекер наушников и, не помня себя, понесся в коридор. В голове стучало только одно: остановить. Сейчас же. А вот кому было адресовано – себе или ей – сомневался.

Ворвался в ее подсобку настоящим зверем, распахнув дверь так, что та ударилась об ограничитель.

- ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ УСТРОИЛА?! – мой рев заглушил бы любую музыку.

Но музыки не было. Была тишина. Гробовая тишина, нарушаемая лишь гулом системного блока.

Анна сидела за столом. На экране компьютера была открыта таблица. На ней была аккуратно застегнутая блузка. Волосы лежали ровно. На лице – выражение спокойного, слегка удивленного внимания. Никакого лифчика на виду. Ни намека на танец.

- Максим Олегович? Что случилось? – ее голос был тихим и абсолютно невинным.

Я задыхался. Глаза метались по комнате. Никаких признаков. Ничего.

- Ты... Ты только что... - я не мог связать слов.

Я видел. Я же видел!

- Я только что работала над квартальным отчетом, - она наклонила голову. — Вы что-то хотели?

Ее спокойствие было оскорбительным. Оно обличало мой неконтролируемый выпад, мой идиотский рев.

- Не принимай меня за идиота! – прошипел я, делая шаг вперед. – Я знаю, что ты делала!

- А что я делала? – она подняла брови, и в ее глазах, этих больших, казалось бы, честных глазах, я увидел огонек той самой дерзкой, победившей усмешки. – Я сидела и работала. Может, у вас было видение? Или... - она медленно перевела взгляд на ту самую полку с коробкой, потом обратно на меня, - ...или вам все-таки есть, на что посмотреть?

Тишина повисла в воздухе. Мой гнев, лишенный подтверждения, начал давать трещины. Я попался. Попался как последний мальчишка.

- Вы же сами говорили, что камер нет, - ее голос прозвучал тихо, но каждое слово било точно в цель. – Или... все-таки есть? Вы что, наблюдали за мной, Максим Олегович? И что такого интересного вы там увидели, что прибежали сломя голову?

Ее тон был на грани. Не страх, не извинения. Это была ловушка, и я в нее прыгнул с разбега.

- Выйдите, - выдавил я, и мой голос звучал неубедительно даже для меня. – Выйдите сейчас же.

Она не спорила. Медленно встала, взяла чашку.

- Пойду налью воды. Наверное, вам тоже не помешает.

Остыть.

И она вышла, оставив меня одного в этой проклятой комнате. Я стоял, сжав кулаки, и чувствовал, как горит лицо. Не от гнева. От позора. От того, что она заставила меня потерять контроль. От того, что я пялился в экран как какой-то извращенец. И от того, что образ ее в черном кружеве вьелся в сетчатку глаз и не собирался уходить.

Я вернулся в свой кабинет, захлопнул дверь и упал в кресло. Руки дрожали. Ладони были влажными. Вытер их о брюки с отвращением. Только вот отвращение было на самого себя. На мониторе все еще висел тот самый квадратик. Теперь там была пустая комната.

Дрожащим курсором я нашел вкладку управления системой, выделил камеру под номером 7 (ее камеру) и нажал «ОТКЛЮЧИТЬ НАВСЕГДА». Потом очистил кэш. Стер логи. Сделал все, чтобы не осталось ни единой цифровой улики.

- Никогда, - прошептал, глядя на потухший квадратик. – Больше. Никогда. Не смотреть.

Но приказ самому себе прозвучал слабо. Потому что проблема была не в камере. Проблема была во мне. В том, что эта чертовка, эта пышная, дерзкая, непокорная Соколова, сумела до меня докопаться. И теперь тишина в кабинете давила гораздо сильнее, чем ее музыка. А в голове, против воли,

снова заиграл тот томный ритм.

ВНИМАНИЕ! ПРОМОКОД К КНИГЕ "НЕМАЯ ДЛЯ
ЛЕШЕГО"! jMxPmhpX

Глава 7. Анна

Вечернее кафе пахло корицей, шоколадом и иллюзией уюта, которую я так отчаянно пыталась купить за цену большого капучино с двойной порцией взбитых сливок. Напротив меня, широко раскрыв глаза, сидела Машка, поглощая мою историю вместе с куском чизкейка.

- ...и вот он врывается, весь красный, как бульдозер, и орет: «ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ УСТРОИЛА?!», - закончила я, обводя ложкой узор на пене.

- Подожди, подожди, я не поняла, - Маша поставила свою чашку с таким стуком, что соседний столик обернулся. – Ты ему стриптиз под скрытую камеру... а он тебе за это... А потом прибежал орать, когда ты уже сидела и работала?!

- Ну... да, - я сгорбилась, чувствуя, как по щекам снова разливается жар от унижения и странного возбуждения, которое принесла эта авантюра. – Он же не мог признать, что смотрел. Пришлось делать вид, что он сошел с ума.

- Боже, это гениально! – Маша рассмеялась так громко, что я невольно улыбнулась. – Пышечка, да ты герой! Ты психологически уничтожила чудовище! Его же теперь до конца дней будет корежить от одного воспоминания!

Но ее восхищение не грело. Внутри все еще клокотало. Горький осадок предательства, бессильная ярость от его лжи в лицо и это унижительное чувство, что он все равно остался

на вершине – сухой, разгневанный, но непобежденный.

- Нет, Маш, - я отодвинула свою чашку. – Это не победа. Он отделался испугом. А я... я все еще та, на кого тайком смотрят. Которая должна выкручиваться и изворачиваться. Это несправедливо. Ему нужно доказать, что так нельзя. Наглядно. И больно.

- Аха-ха, - Маша прищурилась. – А что ты хочешь сделать? Подложить кнопку на его кресло?

- Слишком примитивно, - я пожала плечами. – И бесперспективно. Нужно что-то... элегантное. Что ударит не по его телу, а по его... имиджу. По его ощущению вседозволенности.

В этот момент к нашему столику подошли двое парней. Один – высокий, улыбчивый, в спортивной куртке. Другой – постарше, с умными, немного уставшими глазами за очками и в теплом свитере.

- Простите, - улыбнулся первый. – Свободных столиков нет. Не против, если присядем?

Я внутренне застонала. Последнее, чего мне хотелось сейчас – это светская беседа с незнакомцами. Моя личная жизнь после серии «огорчений» (так деликатно мы с Машей называли мои провальные романы) напоминала минное поле, по которому я давно перестала ходить. Я карьеристка. Нет, я – выживающая, которая пытается построить карьеру под носом у садиста. Мне не до флирта.

Но глаза Маши уже загорелись знакомым мне огоньком

авантюризма и интереса к симпатичному незнакомцу. Она кивнула так энергично, что я не успела отказаться.

- Конечно, присаживайтесь!

Парни представились: улыбчивый Сергей и со спокойным взглядом Денис. Сергей сразу же включился в разговор с Машей, забрасывая ее вопросами и комплиментами. Денис же, присев рядом со мной, не стал ничего выпытывать. Он просто заметил:

- У вас вид человека, который либо только что выиграл чемпионат мира, либо проиграл битву с многоножкой в собственной ванной. Если не секрет, что ближе к истине?

Его тон был легким, без давления. Неожиданно я расслабилась.

- Скорее второе, - вздохнула я. – Битва с... корпоративным пауком.

- Звучит эпично, - он улыбнулся уголками губ. – Мы, кстати, сами имеем дело с разными... несправедливостями.

Оказалось, Сергей и Денис — волонтеры. Но не в приюте для животных, а в движении «Стоп хам». Они занимались тем, что боролись с мелким, но укоренившимся хамством в городе: парковкой на газонах и в неположенных местах, выбросом мусора мимо урны, грубостью в общественных местах. У них даже был небольшой канал с фотоотчетами.

- Не герои, - скромно сказал Денис, пока Сергей с Машей уже хохотали над какой-то историей. – Просто чиним мир по мелким, но важным винтикам.

И тут в моей голове, как щелчок, что-то произошло.

Винтики. Несправедливость. Парковка.

Память выхватила картинку: черный лакированный внедорожник Максима Олеговича, стоящий каждый день на отведенном месте у самого входа в наш бизнес-центр. На асфальте – яркая желтая разметка с инвалидным креслом. На его машине ни знака, ни документов. Ничего. Просто его личная привилегия, потому что он «Максим Олегович». А в нашем же офисе работает Иван из IT, который хромает, и у него как раз есть законное разрешение и знак. И он вечно ворчит, что ему негде приткнуться, все места заняты такими «временными инвалидами».

Я прикусила губу, чтобы не выдать охватившего меня азарта. Я наклонилась к Маше, которая, заметив мой взгляд, наклонилась ко мне.

- Маш, - прошептала я так тихо, что Денис, сидевший рядом, вряд ли расслышал. – У меня есть идея. Идеальная.

- Какая? – ее глаза загорелись еще ярче.

Я выдержала паузу, наслаждаясь моментом, пока в голове складывался четкий, красивый план.

- Он каждый день ставит свою машину на парковку для инвалидов. Прямо у входа. Без знака. Без прав. А в нашем же здании есть люди, которым это место действительно нужно. Они вынуждены ставить машины за три квартала.

Маша замерла, а потом на ее лице расплылась медленная, понимающая улыбка.

- Ох, - выдохнула она. – Анька, это же...

- Это справедливость, - закончила за нее, и в моем голосе прозвучала та самая сталь, которую я пыталась в себе вырастить. – И, кажется, я только что нашла идеальных помощников, чтобы ее восстановить!

**ВНИМАНИЕ! ПРОМОКОД НА КНИГУ "ВАТРУШКИ
ДЛЯ БУЙНОГО" - tfiFlev5**

Глава 8. Анна

Сердце колотилось как сумасшедшее, но уже не от страха, а от предвкушения. Сидя в своей каморке, я в сотый раз проверяла часы.

13:47. Время обеда. Максим Олегович как раз должен уйти в столовую для руководства на верхнем этаже. У Сергея и Дениса есть окно в двадцать минут, не больше. Они заверили меня по телефону, спокойно и деловито: «Не волнуйся. Мы профи. Справимся быстро. Фотки скинем».

Я представила его лицо, когда он увидит свой черный, идеально вымытый внедорожник, облепленный яркими предупреждающими наклейками «СТОП ХАМ», «ПАРКОВКА ДЛЯ ИНВАЛИДОВ», «ТВОЕ МЕСТО? ВОН ТАМ!». Каждая наклейка – специальная, отдирающаяся с муками и слезами, с клеем «на века». Пусть попробует отскоблить это перед всем офисом. Пусть объясняет охранникам, какие они неквалифицированные, раз допустили такое. Это будет идеальный, публичный, абсолютно заслуженный удар по его вседозволенности.

Внутренний телефон вздрогнул, издав пронзительный треск. Я вздрогнула сама. Неужели уже заметили? Я услышала голос Крылова в трубке. В нем не было паники от вандализма. В нем была знакомая, ледяная, концентрированная злоба.

- Соколова. Ко мне. Сию секунду.

«Ну вот, началось», - подумала я с каким-то даже облегчением.

Мне не пришлось ждать. Я встала, поправила юбку, и на моем лице сама собой появилась легкая, почти неуловимая улыбка. Я шла в его кабинет не как провинившаяся, а как победительница, идущая взглянуть на поверженного врага.

Он не сидел. Он стоял у окна, спиной ко мне, и я сразу увидела, как напряжены его плечи под безупречной тканью пиджака.

- Закройте дверь, - прозвучало без обращения, как приказ собаке.

Я закрыла. Повернулась. Ждала.

Он резко обернулся. Его лицо было бледным от гнева, но это был не шок от испорченной машины. Это была ярость по другому поводу.

- Вы объясните мне, - начал он, медленно, отчеканивая каждое слово, - каким образом в финальном отчете для совета директоров, который вы мне сдали сегодня утром, оказались данные за прошлый квартал в сводной таблице? Вы что, скачали старый черновик и даже не потрудились сравнить цифры?

В голове у меня что-то щелкнуло. Отчет. Черт. В пылу подготовки операции «Справедливость» я действительно могла перепутать файлы. Опять. Как тогда, с договором. Триумфальное шествие внутри меня резко затормозило.

- Я... я проверю, Максим Олегович. Возможно, техническая ошибка...

- Не «возможно»! – он ударил кулаком по стеклу стола, и я вздрогнула. – Это факт! Из-за вашей халатности мне сейчас придется лично извиняться перед советом и делать всю работу заново! Вы вообще понимаете, что такое ответственность? Или для вас работа – это поле для каких-то ваших дурацких экспериментов?

Его слова жгли, но сквозь жжение пробивалось странное недоумение. Почему он орал про отчет, а не про машину? Охранники что, не доложили? Камеры на входе же работают исправно, он сам этим хвастался.

- Максим Олегович, - не выдержала я, перебив его поток гнева. – А... а машина?

Он замолчал, смотря на меня с таким искренним, неподдельным непониманием, что у меня похолодело внутри.

- Какая еще машина? – прошипел он. – О чем вы?

- Ваша машина... возле входа. Вас не... не вызвали из-за нее?

- Моя машина стоит на парковке, как и положено, - он отвел взгляд, с раздражением махнув рукой. – И не пытайтесь сменить тему вашего непрофессионализма на...

На его столе зазвонил телефон. Взглянув на экран, он хмуро схватил трубку.

- Да, слушаю...

Это был мой шанс. Пока он, отвернувшись, говорил что-

то о «срочном переносе встречи», я, не раздумывая, юркнула к двери и выскользнула в коридор. Сердце колотилось уже от паники. Что-то пошло не так. Что-то пошло очень не так.

Я почти бежала по коридору, слетела по лестнице (лифты я сейчас ненавидела) и выскочила на улицу. Морозный воздух обжег легкие. Я бросилась к парковке у главного входа.

И увидела сцену, от которой у меня кровь отхлынула от лица.

У не черного внедорожника Максима, а у старенького серебристого седана, который всегда стоял где-то с краю, копошился тот самый Иван из IT. Хромой, тихий Иван, который всегда ворчал по поводу отсутствия мест для инвалидов в доступности. Он с явным усилием и отчаянием пытался отодрать от двери водителя ярко-желтую наклейку «СТОП ХАМ». На лобовом стекле красовалась еще одна – с пиктограммой инвалидной коляски. Машина была облеплена со всех сторон.

- Иван! – выдохнула я, подбегая. – Что ты делаешь?!

- Анна, помоги, ради бога! – он посмотрел на меня умоляюще. – Кто-то из уродов обклеил! Клей мертвый, не отдирается! Отлепил, называется, знак! День не могли подождать что ли?!

- В смысле? – не понимая, уточняю.

- В смысле, что я новую наклейку купил! – с досадой в голосе объясняет. – Утром старую отклеил, а новую хотел вечером после работы приклеить. Ну не козлы, а?!

В голове все сложилось в ужасную, позорную картину. Максим сегодня приехал позже из-за утреннего совещания. Его «место» у входа было занято. Занято законно – машиной Ивана, у которого, как выяснилось, было оформлено официальное разрешение, и висел знак инвалида. Но я пришла на работу раньше! Место было еще не занято.

- Иван, прости, прости меня! – выкрикиваю на ходу, схватившись за угол наклейки и пытаюсь ее отодрать.

Ногти гнулись, клей лишь растягивался мерзкой тягучей паутиной.

- Я... я хотела не тебе, а Максиму Олеговичу насолить! – на морозе, видимо, моя мозговая деятельность стала тормозить, поэтому вся правда вывалилась наружу. – Он же всегда тут встает!

Иван, красный от усилий и обиды, посмотрел на меня с недоумением.

- Да неее, - отмахивается, - я тут всегда встаю. Он только в мое отсутствие занимает. Потому что это место условно лично за мной, типа, закреплено. Я же один на всю компанию такой. А сейчас я на больничном три дня был... Ну, сегодня вот с утра вышел. Не хотелось опаздывать, вот и оставил наклейку на вечер. Меня же здесь все знают! – кивает он в сторону камер на здании.

Тут в кармане зажужжал телефон.

Денис.

- Ну что, Анна, работа проделана? Довольна? Мы, правда,

немного сомневались. Машина-то не внедорожник, а седан. Но раз знака нет, значит, хам. Решили действовать.

- Вы что наделали?! – прошипела я в трубку, отвернувшись от Ивана. – Вы обклеили не ту машину! У этого человека знак есть! Он инвалид! Вы обклеили машину инвалида!

На том конце секунду длилось молчание.

- Ой, - наконец сказал Денис, и в его голосе впервые появилась растерянность. – Ань, но ты же сказала – черная машина на месте для инвалидов у главного входа. Там стоял серебристый седан. Мы подумали, ты в марках не разбираешься... Знака мы не видели, он, может, затонирован, или снял...

- Ага, - говорю уже со злобой, - а в цветах я тоже, по-твоему, не разбираюсь?

- Чееерт, - тянет Денис, но я слышу на заднем фоне и Сергея, чего-то говорящего с досадой. – Извини, мы все исправим. Мы...

Я не слышала продолжения. Потому что, обернувшись, крутясь нервно на каблуке, уткнулась носом в твердую грудную клетку в дорогом шерстяном пальто. Подняла голову. Над ней, на полтора головы выше, был Максим Олегович. Его лицо было каменным. Но в глазах я увидела бурю.

Он слышал. Все слышал.

- Соколова, - он произнес это так тихо, что стало еще страшнее. – За мной. Сейчас же.

Он развернулся и пошел ко входу. Я, как собака, побитая

и пристыженная, замерзшая в легкой блузке, но уже не чувствуя это, поплелась за ним, дыша ему в спину и не смея поднять головы. Мы прошли через холл под недоуменными взглядами охраны. Вошли в лифт. Двери закрылись с мягким шипением.

И он начал.

Сначала тихо, сдавленно, как будто с трудом подбирая слова, которые не были матом.

- Вы... вы... устроили вандализм? Вы наняли каких-то... активистов, чтобы испортить чужое имущество? Это уже не непрофессионализм, Соколова! Это уголовно наказуемое деяние! Это идиотизм! Да еще и так подставить человека с инвалидностью! Что он вам такого сделал?!

С каждым словом его голос рос. Но я понимала, что слышал Крылов не все. Это слегка радовало. Но недолго.

Максим Олегович уже не сдерживался. Он размахивал руками. Его лицо исказила гримаса неподдельной ярости – не начальника, а человека, чьи границы были грубо и глупо нарушены.

- Вы думаете, что вы такая хитрая? Что вы боретесь с несправедливостью? – делает в воздухе пальцами кавычки. – Вы просто мелкая пакостница! Вы подставили невинного человека! Вы опозорили себя, и меня, и компанию! Я...

Он продолжал отчитывать, а я слушала, уткнувшись взглядом в пол, и мне было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю. Он был прав. На все сто процентов

прав.

Я была дура. И подлая дура.

И вдруг... лифт дернулся. Раздался неприятный скрежет, и мы плавно, но окончательно остановились. Свет не погас, но тишина, наступившая после заглушенного гула мотора, была оглушительной.

- Вот этого только не хватало, - пробормотала я себе под нос, сжав кулаки от досады.

Проклятый день. Проклятый лифт. Проклятая я.

Я подняла глаза, чтобы увидеть, какую новую порцию ярости вызовет эта задержка у Крылова, но... Но вместо этого увидела нечто странное.

Максим Олегович замолчал на полуслове. Резко. Как будто ему перекрыли кислород. Его гневная тирада оборвалась весьма красноречиво.

Он замер. Его взгляд устремился на панель с кнопками. Потом перешел на двери. Не дождавшись ответа, мужчина сделал шаг назад, прижавшись спиной к зеркальной стене лифта. Его дыхание, только что учащенное от крика, стало... другим. Частым и поверхностным.

Он не просто злился на поломку. Он боялся. Смертельно боялся.

И это молчание было в тысячу раз страшнее любого крика.

ВНИМАНИЕ! ПРОМОКОД К КНИГЕ "НЕМАЯ ДЛЯ

ЛЕШЕГО" - mFs9W7mj

Глава 9. Анна

Лицо Максима Олеговича, секунду назад пылавшее праведным гневом, стало восковым. Он уставился в одну точку на дверях. Его взгляд стал остекленевшим. Я увидела, как у него задрожали пальцы, сжимающие портфель. Потом дрожь пошла выше – по кистям, предплечьям. Он сделал резкий, судорожный вдох, как будто воздуха в лифте и правда не хватало.

- Э-э... - попытался он что-то сказать, но из горла вырвался только хрип.

«Он сейчас упадет в обморок», - пронеслось у меня в голове с ледяной ясностью. Адреналин от стыда сменился адреналином чистой паники. Со мной в застрявшем лифте у моего начальника-садиста начиналась полноценная паническая атака из-за клаустрофобии. Идеальный финал к идеальному дню.

- Максим Олегович, - тихо позвала его, делая шаг вперед. Он не отреагировал. Он просто дышал все чаще и чаще. Его грудная клетка вздымалась короткими, бесполезными рывками. Он выглядел не как грозный босс, а как загнанный, перепуганный мальчишка. И это было настолько нелепо и жалко, что во мне что-то перевернулось. Злость испарилась. Осталось только щемящее, материнское «ой, бедный».

- Эй, слушайте меня, - произнесла уже громче и тверже,

подойдя совсем близко. – Все в порядке. Лифт застрял, но его уже чинят. Сейчас придут. Нам нужно просто сесть и подождать.

Он попытался отстраниться, но спина уже упиралась в стену. Отступить было некуда.

- Не... могу... - прохрипел мужчина.

И тут в моей голове сработал какой-то древний, не интеллектуальный, а чисто животный инстинкт. Инстинкт утешения. Без раздумий, я просто обхватила его. Не как любовница, не как коллега. Как нянька обнимает испуганного ребенка. Мои руки обвили его напряженные плечи. Я притянула его к себе, прижав его голову к своему плечу.

- Все хорошо, - забормотала я, сама не веря своим словам.
- Все хорошо, просто дыши. Со мной. Вдох... выдох...

Он сначала сопротивлялся - его тело было просто каменным, не желающим что-то принимать и понимать. Потом в нем что-то дрогнуло. Он обмяк и, словно его подкосило, стал сползать по стене на пол. Я последовала за ним, не отпуская. Мы оказались сидящими на холодном полу лифта. Я, прильнув к стене, а он – прижавшись ко мне всем телом, спрятав лицо у меня в шее. Мой босс дрожал, как в лихорадке.

- Ты... теплая, - пробормотал он невнятно, и его дыхание обжигало кожу.

«Господи, он сейчас умрет, и я останутся тут с его бездыханным телом», - мелькнула истеричная мысль. Чтобы от-

влечь и его, и себя, я начала гладить мужчину по спине, по коротко стриженным и жестким волосам на затылке. Совершенно абсурдная картина: я, Анна Соколова, в помятой юбке, сижу в лифте и укачиваю своего трепещущего от страха босса, который полчаса назад грозился уничтожить меня карьерно.

Он прижимался все сильнее, ища точку опоры, утешения, чего угодно. Его рука, лежавшая между нами, беспомощно скользнула... и наткнулась на мою грудь. Я замерла. Но он не отдернул руку. Наоборот. Его пальцы, все еще дрожащие, схватились за мягкую ткань моего свитера и блузки под ним. Сжали, как якорь, утопающий в панике.

Во мне все перевернулось. Это было уже не просто утешение. Это было... интимно. Странно и жутко интимно. Но я не оттолкнула его. В этот момент подобная поддержка казалась меньшим из зол.

«Лишь бы не плакал, лишь бы не задохнулся», - думала я, продолжая гладить его по голове. Я даже мысленно приготовилась к худшему – что он, в своем регрессивном состоянии, решит, что я его мама, и... ну, попробует ухватиться ртом. Готова была уже отшатнуться. Но нет. Ему, видимо, было достаточно просто держаться. Крепко, почти болезненно впиваться пальцами в эту самую интимную мягкую плоть, которая сейчас служила ему точкой спасения от паники. И даже в харассменте его потом не обвинишь.

Мы сидели так, казалось, вечность. Его дыхание постепен-

но выравнивалось. Дрожь стихала. Он все еще был прижат ко мне. Его рука все так же лежала у меня на груди, но теперь это уже не было судорожной хваткой. Это было... удержание. Я сидела, уставившись в потолок, и думала о том, что моя жизнь окончательно сошла с рельсов.

И тут над нами раздался стук:

- Эй, там кто есть? Все в порядке?

Голос Леши, сисадмина.

Спасение.

Максим Олегович вздрогнул, как от удара током. В одно мгновение он оторвался от меня, вскочил на ноги, отряхнул брюки. Когда двери лифта со скрежетом разъехались, открывая освещенный коридор и лица Леши и двух охранников, мой босс был уже другим человеком. Точнее, тем же Максимом Олеговичем Крыловым. Бледным, но собранным. На его лице не было ни следа паники, только легкая досада.

- Наконец-то, - произнес он ровным, слегка раздраженным голосом. – Безобразие. Нужно жаловаться в техническую службу.

Мужчина вышел из лифта, не оглядываясь, и четким, быстрым шагом направился к своей двери.

Все, включая меня, до сих пор сидевшую на полу, смотрели ему вслед. Леша помог мне подняться.

- Анна, ты как? А он... что с ним было?

- Ничего, - я отряхнулась, чувствуя, как горят щеки, а на груди, под свитером, все еще горело отпечатком его пальцев.

– Просто... застряли. Нервы.

Я посмотрела на захлопнувшуюся дверь его кабинета. Он не помнил. Или делал вид, что не помнит. Он вычеркнул эти несколько минут полного распада, как досадную техническую неполадку, и вернулся в свою роль. А я осталась стоять в коридоре с ощущением, что держала на руках чужого, испуганного ребенка, а потом этого ребенка у меня забрали, оставив лишь странное тепло и полную, оглушительную растерянность.

Что теперь делать с этим знанием? С тем, что мой ледяной босс боится тесных пространств и успокаивается, уцепившись за женскую грудь? Это была не победа. Это была... страшная, неудобная близость. От которой никуда уже не деться.

**ВНИМАНИЕ! ПРОМОКОД НА КНИГУ "ВАТРУШКИ
ДЛЯ БУЙНОГО" - wNUjJ5dm**

Глава 10. Максим Олегович

Утро. Солнце бьет в панорамные окна моего кабинета, выхватывая каждую пылинку в стерильном воздухе. Идеальный порядок. Идеальный контроль. Только внутри сбой. Назойливое чувство, как зубная боль накануне.

Я помню все. Помню ее дурацкий план с машиной, ее виноватые глаза, свой праведный гнев в лифте. Помню скрежет, остановку. А потом... провал. Белое шумное пятно, в котором плавают только обрывки: тепло, запах ее шампуня (ваниль и что-то еще, глупое, сладкое), и... ощущение абсолютной, животной безопасности. Потом – уже в коридоре, лицо Леша и чувство, будто меня раздели и все всё видели. Но что именно они видели, мозг отказывается воспроизводить. Это мой защитный механизм. Стыд, связанный со мной, с моей слабостью, просто стирается. Остается только смутное, унижительное знание: что-то было. И она – Соколова – была в эпицентре.

Она видела. Видела меня не Максимом Олеговичем. А тем мальчишкой, застрявшим когда-то в темном лифте недостроенного дома. И это невыносимо.

Мсть должна быть холодной, изящной и абсолютно законной. Удар по ее профессиональной гордости. По ее убежденности, что она «шуруповерт», который может все.

Я беру трубку и набираю номер «Праздничного мира» -

компании, в которой мы заказывали корпоратив.

- Алло, Людмила? Крылов. Меняю планы. Корпоратив отменяю. Да, полностью. Готов оплатить неустойку по договору. Пришлите счет. Нет, причины не обсуждаем. Спасибо.

Трубка кладется с легким щелчком. Дело сделано. Теперь очередь живого эксперимента.

Я вызываю ее. Анна входит через три минуты. Выглядит... осторожно. Не испуганно, а именно настороженно, как зверек, учуявший капкан. Интересно, она ждет разговора о вчерашнем? Ждет моего смущения? Наивная.

- Садитесь, Соколова, - говорю я, не отрываясь от монитора, демонстрируя полное равнодушие. – Срочная задача. Компания «Праздничный мир» отозвала договор на проведение корпоратива. Вернули задаток. Технические причины. Вам нужно в срочном порядке найти новую организацию и организовать все с нуля.

Я поднимаю на нее взгляд. На ее лице чистейшее, неподдельное изумление. Идеальная реакция.

- Я?... Но... корпоратив послезавтра! Зачем мне этим заниматься? Это же...

- Это работа помощника, - перебиваю я гладко. – До вашего прихода в этом году я сам заключил договор, найдя компанию. Тратил на это свое рабочее время. Теперь у меня есть вы. Ваша задача – освободить меня от подобных рутинных вопросов. В том числе и от организационных провалов наших подрядчиков.

Она открывает рот, чтобы возразить. Глаза вспыхивают знакомым огоньком борьбы.

- Максим Олегович, это нереально! За два дня до праздника, да еще и перед самым Новым годом! Все приличные агентства будут заняты! Это же...

- Вы отличный специалист, Соколова, - говорю я, и в моем голосе звучит та самая, убийственная, сладковатая язвительность, а также дополнительно откидываюсь в кресле, складывая руки на столе. – Вы же сами не раз это доказывали. Вы находчивы, упорны и умеете решать нестандартные задачи. Вот перед вами как раз нестандартная задача. Я уверен, вы справитесь. В конце концов, - добавляю я, наслаждаясь моментом, - что для вас организация какого-то праздника после того, как вы так виртуозно... координировали действия сторонних активистов?

Ее щеки заливаются краской. Попалась. Она понимает намек. Понимает, что это – наказание. Но не может ничего сказать, потому что формально я прав: это ее обязанности. А неформально... это идеальная ловушка.

Она сидит, сжавшись, и я вижу, как в ее голове проносятся все возможные варианты, и все они разбиваются о стену дедлайна. Это даже лучше, чем крик. Это – тихое, профессиональное отчаяние.

- А бюджет? – выдыхает она последний козырь.

- Останется прежним. Думаю, вы сможете уложиться, - говорю я, возвращаясь к монитору, давая понять, что разговор

окончен. – Держите меня в курсе. К концу дня хочу видеть варианты.

Она медленно поднимается и выходит, прикрыв дверь беззвучно. Я остаюсь один в своей стеклянной клетке.

Месть совершается. Она будет метаться, звонить, унижаться перед агентствами, ловить отказы. Она поймет, что ее «шуруповертность» ничего не стоит против законов рынка и дефицита времени. Она потерпит профессиональное поражение. И я буду наблюдать за этим с холодным удовлетворением.

Почему-то картинка из вчерашнего провала – тепло, ваниль – на секунду всплывает перед глазами. Я грубо отгоняю ее. Это слабость. А слабость нужно искоренять. В себе – стиранием памяти. В ней – проверкой на прочность, которую она заведомо не пройдет.

Все идет по плану.

ВНИМАНИЕ! ПРОМОКОД НА КНИГУ "НЕМАЯ ДЛЯ ЛЕШЕГО" - M4S4-qM9

Глава 11. Анна

Запах кофе и теплой выпечки в кафе «У Марины» был единственным, что сегодня не доводило меня до слез. Я сидела, уставившись в кружку с капучино, в котором тонули мои карьерные перспективы, а напротив – горела драма в трех актах.

Акт первый: Маша и Сергей. Они уже не просто флиртовали. Они обменивались взглядами, от которых на моей коже выступали мурашки. Сергей что-то шептал ей на ухо, и она заливалась таким звонким, счастливым смехом, что даже бариста улыбнулся. Хорошо, хоть кому-то везет в личной жизни.

Акт второй: Денис и я. Он сидел рядом, не навязываясь, но его присутствие было очень... ощутимым. Теплым. Он принес мне салфетку, когда я чуть не пролила кофе, и спросил тихо: «Тот самый корпоративный паук снова плетет сети?» Его забота была ненавязчивой, мужской, и, если бы моя голова не была забита Крыловым и чувством полного провала, возможно, я бы даже позволила себе ей радоваться. Но я была карьеристкой в глубочайшем кризисе. Романтика казалась такой же недостижимой, как организовать корпоратив за два дня.

Акт третий: мое унизительное признание.

- ...а потом лифт застрял, - выпалила я, глядя в свою

кружку. – И он... ну, у него, кажется, клаустрофобия.

- Кто, твой ледяной дракон? – фыркнула Маша, отрываясь от Сергея.

- Да. Он просто... обмяк. И стал трястись. Как осиновый лист. А потом... - я покраснела, вспомнив детали, - ...полез ко мне. Буквально. И уткнулся. И схватился... ну, в общем, уцепился, как утопающий за соломинку.

Наступила секунда тишины, а потом Маша закатилась таким хохотом, что чуть не свалилась со стула.

- О боже! Он что, сосал у тебя...? – поиграла бровями подруга, смотря на мои пышные прелести и намекая на любовные игрища приматов. – Или требовал, чтобы ты спела ему колыбельную? «Спи, мой маленький тиранчик»?

- Маш! – зашипела я, но и мне стало смешно от абсурда. – Нет, он просто... держался. Пока мы не выбрались. А потом вскочил, отряхнулся и ушел, как будто ничего и не было. Совсем не помнит, я уверена.

Сергей присвистнул:

- Жестко. У меня дядька так же – после армии в танке. Застрянет где-то, и все, человек не свой. Потом отключается. Ты молодец, что не растерялась.

Денис смотрел на меня не со смехом, а с легкой грустью и пониманием:

- Страх – штука беспощадная, стирает все начисто. И стыдно потом дико. Наверное, он теперь на тебя злится втройне. За то, что ты видела его... беззащитным.

Его слова попали точно в цель. Я кивнула, чувствуя ком в горле.

- Он и злится. Причем так изощренно... - и я вывалила им всю историю с отмененным корпоративом и невыполнимой задачей. - ...и вот я теперь должна за два дня найти Деда Мороза, Снегурочку, кейтеринг и не выйти за рамки ранее заложенного бюджета. Это нереально. Это месть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.